

УДК 719

СОСТОЯНИЕ ОХРАНЫ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ СССР В 1980-х ГОДАХ*

© А.В. Дулов

В статье последовательно рассматриваются вопросы: значение памятников; виды деятельности, связанной с памятниками в 1980-х годах в СССР; количественные итоги этой деятельности; ее слабые стороны; конкретные предложения по улучшению работы. Сопоставлены масштабы вовлечения населения по республикам и областям в охрану памятников.

Ключевые слова: памятники истории и культуры, охрана, Советский Союз, 1980-е годы, общество.

Preservation and usage of the historical and cultural sites in USSR in 1980-1989

© A.V. Dulov

Author discusses in this article the meaning of sites, types of activity, quantitative results of those activities, their bad specifics, and the proposals how to optimize the preservation of the heritage. It is also compared the degree of involving the local population of republics and oblast's into the such activity.

Key words: historical and cultural sites, heritage preservation in Soviet Union in 1980s, society.

Проблемы разнообразной деятельности, связанной с памятниками прошлого, привлекают все большее внимание самых широких кругов советской общественности. Огромное воспитательное и научное значение памятников истории и культуры осознается все с большей полнотой.

Вопросам оценки состояния деятельности, связанной с памятниками истории культуры, было посвящено за два последних десятилетия (1965–1985 гг.) немало работ [16; 20; 25; 26; 28; 33]. В настоящей статье предпринимается попытка рассмот-

реть основные стороны этой деятельности, обращая внимание преимущественно на те из них, которые требуют улучшения. С этой целью в статье последовательно разбираются вопросы: значение памятников; виды деятельности, связанной с памятниками; некоторые количественные итоги этой деятельности; слабые стороны этой деятельности; состояние разработки общих проблем охраны и использования памятников; конкретные предложения по улучшению работы с памятниками.

Значение памятников в жизни каждой страны весьма велико. Во-первых, памятники истории и культуры служат источником знаний для широких масс, позволяя им получить наглядное представление об истории, архитектуре, монументальном искусстве, технике и приемах строительства прошлых лет. Вследствие этого памятники имеют огромное воспитательное значение, очень часто имеющее идеологическую окраску. В большинстве случаев характер воздействия памятников на народные массы определяется направленностью пропа-

* Данная статья под названием «Актуальные проблемы охраны и использования памятников истории и культуры СССР» была подготовлена в конце 1987 г. для журнала «Вопросы истории» и тогда же отправлена в редакцию. Из-за крайней перегруженности редакционного портфеля она не была опубликована и летом 1992 г. была возвращена автору. Нам представляется, что сформулированная в статье подробная характеристика памятниковедческой деятельности в СССР за 38 лет не утратила своей значимости и будет интересна современным исследователям. Кроме того, ряд сопоставлений позволяет глубже понять причины последовавших исторических событий.

ганды, носящей классовый характер и зависящей от того, в руках каких классов находится государственная власть.

Применительно к условиям нашей страны наиболее важными направлениями воспитательной деятельности путем использования памятников являются: трудовые традиции; традиции классовой борьбы; патриотическое и военно-патриотическое воспитание; интернационализм; этическое воспитание; эстетическое воспитание; любовь к природе и охране природы. В-третьих, памятники являются ценнейшим источником для науки, давая богатейший материал для изучения истории, материальной и духовной культуры прошлого. В-четвертых, памятники имеют и экономическое значение как источник денежных и валютных поступлений при их показе. Однако реализовать такую возможность удастся лишь в случае, когда памятник находится в соответствующем состоянии и проведены все необходимые для извлечения доходов материальные и организационные мероприятия. Наконец, пятая их функция – утилитарное использование памятников для нужд организаций или учреждений, не связанных с извлечением дохода из использования памятников. Все эти функции важны для народа, но наибольшее значение в настоящее время имеет, конечно, воспитательная роль памятников истории и культуры.

Деятельность, связанная с памятниками истории и культуры, актуальна и многообразна:

1. Изучение памятников: выявление новых памятников, углубление представлений об уже известных памятниках, составление паспортов, списков памятников, оценка значения каждого; классификация памятников; написание обобщающих работ.

2. Охрана памятников: учет памятников, контроль за их состоянием, недопущение их утраты или повреждения. В необходимых случаях – организация мер, улучшающих их состояние.

3. Использование памятников. Сюда входит, прежде всего, приспособление памятников под конкретные нужды тех организаций, учреждений или частных лиц, в

чем владении они находятся. Как один из видов этой деятельности сюда же входят случаи музеефикации памятников – применение здания-памятника как места показа или хранения экспонатов или организация на базе памятников музея-заповедника. Важное значение имеет также экономический эффект от демонстрации памятников, а также развитие туризма, в том числе – создание специальных туристических маршрутов на базе конкретных историко-культурных реликвий.

4. Пропаганда памятников. Ведется средствами печати, телевидения, радио. Чтение лекций о памятниках, проведение экскурсий.

5. Самостоятельное ознакомление с памятниками. Единственный вид деятельности, связанной с памятниками, который трудно организовать и проконтролировать. Восприятие памятников вне экскурсий – важный способ самопознания и самовоспитания широких масс, продиктованный интересом и желанием данной конкретной личности. Однако направленность и состояние пропаганды памятников в определенной степени влияет на особенности такого индивидуального познания памятников.

6. Мероприятия, способствующие сохранению или восстановлению памятников. К ним относится консервация, предохраняющая памятник или его остатки от полного или частичного разрушения и реставрация, предусматривающая восстановление прежнего вида памятника. Иногда создаются «новоделы» – макеты или точные копии несохранившихся памятников.

7. Целенаправленное создание новых памятников (обычно это памятники монументального искусства).

Все перечисленные выше направления имеют огромное значение. Поскольку публикаций, в которых содержались бы конкретные сведения о работе с памятниками, недостаточно, чрезвычайно трудно выявить какие-либо определенные показатели по многим формам этой деятельности. Однако есть возможность привести сведения, касающиеся численности членов союзно-республиканских обществ охраны памятников, а также некоторые данные о количе-

стве выявленных памятников истории и культуры. Рост числа членов общества охраны памятников – один из важных показателей состояния работы с памятниками прошлого. Здесь можно привести лишь некоторые обобщающие данные. Так, в 1969 г., всего через несколько лет после возникновения обществ, общее число их членов достигло 9 млн, а к 1985 г. выросло до 48 млн [1, с. 5]. Рост в целом, конечно, весьма значительный. Имеются также сведения о возрастании членов такого общества в Российской Советской Федеративной социалистической республике (далее РСФСР). В 1968 г. их было лишь 2 млн [15, с. 120], в 1977 г. – 12,5 млн [26, с. 19], в 1984 г. – 14 млн [7, с. 7], а в 1987 г. – 17,277 млн [32, с. 85]. Рост и здесь, вне всякого сомнения, довольно быстрый.

Обращает на себя внимание одно обстоятельство. Как свидетельствуют приведенные выше цифры, во Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (далее ВООПИК) вступают менее охотно, чем в соответствующие общества в других республиках. Сопоставляя приведенные выше сведения по СССР за 1969 г. и по РСФСР за 1968 г., приходится сделать вывод, что население РСФСР, составлявшее 52% от населения СССР, направило в ВООПИК примерно четвертую часть общесоюзного состава обществ охраны. Как уже было сказано, в 1977 г. ВООПИК имело 12,5 млн членов. В том же году в Украинской ССР, имеющей население в 2,8 раза меньше, чем в РСФСР, в подобном же обществе состояло 13,5 млн человек [3, с. 41]. В 1985 г., судя по приведенным сведениям, доля российских членов обществ охраны несколько увеличилась по сравнению с 1961 г. и составляла примерно около трети. Таким образом, разница несколько уменьшилась, но все же по-прежнему граждане РСФСР вступают в общество охраны памятников менее охотно, чем в других республиках. Вероятно, одной из главных причин этого отставания следует считать то обстоятельство, что в течение длительного времени охране памятников и их правильному использованию в РСФСР придавалось меньшее значение, чем в других союзных республиках.

О количестве выявленных на территории страны памятников имеются лишь отрывочные сведения, но они приводят к выводу о том, что и здесь РСФСР менее активна, чем другие республики. Известно, что во всей стране в 1970 г. было учтено около 145 тыс. памятников истории культуры [2, с. 5]. Более подробные сведения имеются по РСФСР. В 1977 г. в России было учтено свыше 60 тыс. памятников, и более 22 тыс. из них были взяты под охрану [21, с. 61]. В 1982 г. там было более 180 тыс. состоящих на учете памятников [23, с. 84]. Под охраной же в 1987 г. находилось 41,5 тыс. памятников [32, с. 80].

РСФСР имела меньшую долю вовлеченного в состав обществ охраны памятников населения, чем другие союзные республики. Но и в различных местностях РСФСР процент членов таких обществ разнится весьма сильно. По аналогии может создаться впечатление, что в автономных республиках РСФСР удельный вес лиц, вступивших в общества, также должен быть выше. Однако это впечатление справедливо лишь отчасти. Хотя некоторые из этих республик имеют высокий удельный вес членов обществ (так в Северной Осетии он составляет 23%, а в Кабардино-Балкарии – 21%), зато есть и республики, где это движение развито очень слабо – в Татарии и Туве лишь 7% населения вступило в общество, а в Якутии – только 4%. В целом же среднеарифметический итог по автономным республикам лишь на 1% выше общероссийского, составлял 13% [32, с. 77–85].

Более значительные различия можно выявить по отдельным территориальным регионам. Представляется, однако, что в данном конкретном случае для сопоставления целесообразно выделить еще одну группу территорий, не составляющих цельного региона. Имеются в виду Москва и Ленинград, а также Московская и Ленинградская области. Большое количество сосредоточенных здесь памятников мирового, всесоюзного и республиканского класса оправдывают выделение для нашего анализа этих территорий, имеющих огромное значение как места скопления уникальных памятников, их ансамблей и комплексов.

Оказалось, что процент вовлеченных в члены ВООПИК здесь ниже общероссийского и составляет 11,3%. Еще ниже он у жителей Москвы и Ленинграда. Имея возможность постоянно наблюдать замечательные памятники, они, как ни странно, относятся к ним с большой долей равнодушия: лишь 10% жителей этих наших столиц – члены общества.

Все остальные европейские регионы имеют в целом более высокую долю вступивших в ВООПИК. Так, 15 территориальных единиц Центра дают 14,3%; лидерами здесь являются Курская область (24%), а также Белгородская и Орловская (по 20%), а аутсайдерами – Липецкая (8%) и Калининская (10%). Еще выше показатель пяти областей Запада – 16,6%; наибольшие успехи здесь – в Смоленской области (19%), и даже отставшая от других территорий этого региона Калининградская область имеет неплохой показатель – 14%. Ниже удельный уровень членов ВООПИК на шести территориях Севера (13%); лучше всех здесь обстоит дело в Карелии (18%), всего хуже – в Вологодской области (11%).

Одиннадцать республик и областей Поволжья имеют в среднем 12,5% лиц, охваченных членством в ВООПИК. Впереди – Волгоградская область (17%) и Мордовия (16%), замыкает же список Татарская АССР (7%), а также Горьковская, Ульяновская области и Чувашия (по 11%). Охотнее всего вступают в ВООПИК в Южном регионе, охватывающем 8 территорий Приазовья и Северного Кавказа. Здесь обществом охвачено 17,5% жителей. Здесь же и российский рекордсмен – Ставрополье (28%); высок показатель и в Северо-Осетинской АССР (23%). Правда, две республики все же имеют низкие цифры: Чечено-Ингушская (9%) и Калмыцкая (11%).

При сравнении удельного веса вступивших в ВООПИК по регионам страны выявляется определенная географическая закономерность: этот процент высок на территориях, более населенных и имеющих большую давность освоения, и снижается в местностях с более низкой плотностью населения (единственное и досадное исключение – Москва и Ленинград и их области).

Например, на пяти уральских территориях ВООПИК приняло в свои ряды 11,2% населения (более всего – 15% в Башкирии, менее всего – 9% – в Свердловской области). Тринадцать территорий Сибири дали в общество лишь 10% своего населения. Активнее всего вступают в общество в Бурятии (17%) и Томской области (14%); слабее всего – в Якутии (4%), а также в Туве и Тюменской области (7%). Показатель шести краев и областей Дальнего Востока – 10,3%, причем в Хабаровском крае и на Сахалине он составляет 14%. Ниже всех (в том числе и в России) он у Магаданской области (2%), отличающейся очень суровыми природными условиями.

Другим важнейшим показателем уровня деятельности по охране и использованию памятников является количество их, состоящее на охране. По данным сборника «Справочный материал...», всего по РСФСР находится под охраной государственных органов 41 487 памятников истории и культуры, в том числе 10080 памятников археологии, 19 752 памятника истории, 10 385 памятников истории градостроительства и архитектуры, и 1270 памятников искусства. В среднем на каждую из 73 территорий РСФСР (краев, областей, АССР, городов) приходится по 568 памятников. Население же каждой территории составляет в среднем 1986 тыс. жителей.

Следует признать, что этого количества памятников недостаточно, и главная причина заключается в том, что многие руководители краевых, областных, республиканских исполнительных комитетов и советов министров всячески сокращают предлагаемые отделениями ВООПИК и специальными органами охраны памятников списки памятников или годами не принимают решения по предложенным спискам. Действительно, памятники доставляют местной администрации много хлопот: их надо охранять, реставрировать, подыскивать возможности использования. За затяжку же с принятием списков памятников, за мизерное количество памятников, стоящих на охране, даже за их уничтожение – иногда по прямому умыслу руководителей, никто не спрашивает. Никаких планов, обязательных для руководителей, здесь нет. По-

видимому, спокойно живет даже руководителям тех территориальных единиц, где число состоящих на охране памятников значительно ниже среднего.

Численность выявленных, а также состоящих под охраной памятников, зависит от многих факторов. Вероятно, главным фактором, влияющим на «памятникотворчество» – естественный процесс создания памятников, – является количество населения данной территории. Исходя из указанного среднего соотношения по РСФСР – 568 памятников для территории с 1986 тыс. жителей, можно отметить те местности, где число памятников гораздо ниже этих соотношений и где местное руководство, очевидно, очень энергично сопротивляется постановке их под охрану. Особенно печальные цифры дают Калмыцкая АССР (здесь всего 4 охраняемых памятника при 300 тыс. жителей) и Амурская область (12 памятников на 933 тыс. жителей). В обоих случаях соотношение между населением и числом памятников примерно в 20 раз ниже средних цифр по РСФСР!

Практически так же плохо обстоит дело в Оренбургской области (33 памятника на 2018 тыс. жителей). Нетерпимое положение сложилось также в Чечено-Ингушской АССР, Камчатской, Магаданской, Тамбовской, Куйбышевской, Саратовской областях, где число взятых под охрану памятников составляет от 13 до 25%.

Значительно ниже средней нормы (30–50%) охраняемых памятников имеют Ростовская, Новосибирская, Мурманская, Читинская, Хабаровская, Воронежская, Московская, Челябинская и Свердловская области. Мало и неохотно ставят памятники под охрану в Татарии, Удмуртии, Пермской, Горьковской, Иркутской, Ульяновской, Астраханской областях, где количество памятников составляет 60–70% от средней нормы.

Наряду с этим отметим те территории, где количество памятников значительно выше общего уровня. Особенно много их в Новгородской области – более 700% от нормы (1377 памятников при 739 тыс. жителей). Много поставленных под охрану памятников в Бурятии, Смоленской и Псковской, Брянской и Калининской об-

ластях, в Карелии (400–500%). Хорошо ведется эта работа также в Краснодарском крае, Владимирской, Белгородской областях, Ставрополье и Якутии (200–250% от нормы).

Существенное значение имеет вопрос о соблюдении пропорций в распределении памятников различных типов. В среднем по РСФСР, как видно из приведенных выше сведений, в количественном отношении памятники истории составляют 47,5%, памятники археологии – 24,4%, памятники архитектуры – 25%, памятники искусства – 3,1%. Можно предположить, что указанные соотношения в целом приблизительно верно отражают оптимальные пропорции памятников различных видов. Однако доля памятников монументального искусства, вероятно, должна быть несколько выше. Что же касается трех наиболее распространенных типов памятников, то археологические и архитектурные памятники по численности примерно равны, и каждый из этих типов в два раза уступает историческим памятникам.

Конечно, данные пропорции не обязательно должны соблюдаться в каждой административно-территориальной единице. Особенности исторической жизни могут способствовать созданию, а затем – сохранению или уничтожению преимущественно одного или двух типов реликвий прошлого. Так, на Европейском Севере особенности дореволюционной истории способствовали созданию большого количества архитектурных памятников (главным образом культового зодчества), а относительно скромное развитие промышленности в советский период – их сохранению. Причерноморье и Приазовье отличаются обилием археологических памятников – курганов, могильников, каменных баб, античных и средневековых городов. Во многих местностях, подвергшихся нашествию гитлеровских войск, сохранилось лишь незначительное количество архитектурных и исторических памятников довоенного времени.

Однако очень часто нарушения средних пропорций, особенно резкие связаны и с субъективными факторами – отсутствием специалистов определенного профиля или невниманием органов охраны памятников к

конкретным их видам. Приведем ряд примеров. В Волгоградской, Хабаровской, Сахалинской областях не поставлен под охрану ни один памятник архитектуры! В некоторых областях явно не жалуют археологию: в Тамбовской области охраняются лишь 2 археологических памятника, в Липецкой – 3, в Курской и Астраханской – по 7, в Саратовской – 10. В каждой области число этих памятников не превышает 3% их общего количества! Зато в Башкирии – явный перекоп в противоположную сторону: археологические памятники составляют здесь 80% всех памятников! Слишком мало памятников архитектуры в Бурятской и Марийской АССР (5%); памятников истории в Рязанской (6%) и Владимирской областях (15%). В некоторых местностях явно искажены пропорции в соотношении архитектурных и исторических памятников. Так, в Краснодарском крае исторических памятников 2353, архитектурных – 147; на Алтае соответственно 81 и 6. Зато в Архангельской, Вологодской и Костромской областях мы имеем противоположные, но тоже аномальные пропорции: исторических и архитектурных памятников здесь соответственно 9 и 205, 51 и 270, 88 и 284.

В деле охраны памятников нашей страны есть много трудностей, много препятствий. Может быть, одной из самых главных препятствий является сложившаяся за долгие годы ситуация, когда многие и часто очень сложные проблемы охраны, использования и создания новых памятников решаются без учета мнений специалистов и широкой общественности, что часто наносит большой ущерб делу. Общеизвестно, что Советское правительство в первые годы после Октября придавало огромное значение использованию памятников истории и культуры в жизни страны, «в коммунистическом воспитании трудящихся» [5, с. 404–408; 16, 24]. Однако, начиная с 1930-х гг., эти традиции были нарушены, что привело к такой ситуации, к такому отношению к памятникам, которое можно назвать «административным монументализмом». Сущность его заключается в пренебрежительном отношении к памятникам прошлого, в практике волонтаристского, чисто административного подхода к судьбе памят-

ников истории и культуры. Многие памятники в 1930–1950-х гг., были снесены или перестроены. Со временем будут установлены колоссальные размеры ущерба, понесенного культурой нашей страны в результате такой политики. Пока же можно привести лишь некоторые фрагментарные данные. По подсчетам архитектора И.В. Калининой, на территории Иркутской области перед 1917 г. было до 500 культовых построек – церквей, часовен, колоколен. В настоящее же время сохранилось лишь примерно 150 культовых построек! Таким образом 70% памятников культового зодчества бесспорно утрачены. Пока трудно сказать, в каких областях и республиках соответствующий процент выше, а в каких ниже. Но сведения даже по одной области свидетельствуют о том, насколько велик этот ущерб.

С середины 1960-х гг. отношение руководящих кругов к проблеме охраны и использования памятников стало постепенно меняться. Появились специальные законы об охране памятников, в республиках были созданы общества охраны памятников, и общественность стала шире привлекаться к решению важных вопросов охраны и использования памятников. Больше стало отпускатся средств на реставрацию реликвий прошлого, активизировалась пропаганда памятников, на страницах печати стали обсуждаться острые вопросы связанной с памятниками деятельности. В результате существенных изменений в социально-политической обстановке в стране еще более благоприятные возможности появились начиная с 1985 г. Возросло внимание Партии и Правительства к использованию и охране памятников, еще более активизируются силы общественности. Показательно, что значительную часть своей речи на XXVII съезде КПСС секретарь ЦК КПСС Е.К. Лигачев посвятил значению памятников в жизни и воспитании трудящихся. Таким образом, складывается ситуация, при которой «административный монументализм» должен уйти в прошлое. Немало в этом направлении делается, но еще рано говорить о повсеместном отходе местных руководителей от этой печальной традиции. Поэтому есть необходимость рассмот-

реть проявления этой политики подробнее, используя опубликованные в печати сведения за 1986–1987 гг.

По распоряжению местных руководителей нередко уничтожаются или без необходимости переносятся могилы революционеров, героев гражданской и Великой Отечественной войн в Красноярском крае. Так в селе Большой Хабык на месте братской могилы коммунистов-организаторов колхоза, убитых «кулаками», построили ... здание конторы хозяйства... И никто за разрушение памятника не ответил [34]! В городе Советске Кировской области районные власти планировали перенести могилу первого председателя ревкома М.И. Изергина, которая «мешала» пристроить к зданию райкома партии новый корпус. Однако этот проект вызвал возмущение местных жителей, и после вмешательства обкома партии пристройку решено было несколько отодвинуть от могилы. Однако когда стали рыть котлован, экскаватор повредил захоронение, и могилу все-таки пришлось перенести на новое место [14]. В 1986 г. горисполком г. Читы осуществил перенос братской могилы экипажа бомбардировщика под командованием Героя Советского Союза В. Артамонова, потерпевшего катастрофу в 1944 г., из центра на окраину города. Это святотатство было вызвано тем, что «по мнению городских властей, могила «не вписывалась» в ... фонтаны с цветомузыкой...» [4].

Случаев, когда вопреки мнению специалистов, вопреки логике, уничтожаются ценные памятники, по-прежнему можно привести немало. В старом доме в г. Саратове, где располагалось профессионально-техническое училище, были обнаружены уникальные росписи, выполненные в 1919 г. Специалисты заявили, что здание необходимо сохранить и отреставрировать, чтобы сохранить интереснейший памятник. Однако горисполком распорядился здание снести, а росписи со стен снять. Таким образом, и здесь памятнику, которым Саратов вполне заслуженно мог бы гордиться, нанесен серьезный ущерб [13].

Руководство ряда городов равнодушно даже к памятникам революционного движения. Например, «в Свердловске за корот-

кий срок снесено более полусотни так или иначе связанных с революционной историей Урала зданий». В этом городе в результате разрушительной деятельности градостроителей пришлось даже закрыть два экскурсионных маршрута – поскольку памятников уже нет [30]. Хотя в других союзных республиках обычно ценят памятники, связанные с историей своего народа, но и там имеются сторонники реконструкций городов, сопровождающихся разрушением памятников. Так настроены в Ереване, где по генплану реконструкции центра города намечено снести половину из 130 памятников XIX – начала XX века. Здесь ломают дома, связанные с жизнью революционеров, без необходимости переносят ценные здания на новые места, собирая их из новых материалов... [31].

Примеров, когда по вине нерадивых руководителей памятники старины находятся в плохом состоянии, можно привести много. Так древние русские крепости, находящиеся в Ленинградской области, не приводятся в порядок [18]; с «поразительным равнодушием» относятся руководители подмосковного города Коломны к ее двумстам памятникам [9].

Что касается создания новых памятников, то и здесь нередко сохраняются традиции недавнего прошлого, когда городские и областные руководители в узком кабинетном кругу решали, какие памятники ставить, кто будет их авторами, какой проект утвердить. Жители же видели памятник лишь после его торжественного открытия и далеко не всегда были в восторге от его идейных и художественных качеств. Вот два примера из жизни современного Иркутска. Общественность города выдвинула предложение об установке в этом городе, где жили в ссылке многие декабристы, первого в стране памятника «первенцам свободы». Областное руководство самостоятельно договорилось с двумя московскими авторами о создании проекта такого памятника. Весной 1986 г. этот проект был одобрен местным руководством. Однако когда фотография проекта была опубликована в областной газете, жители стали резко критиковать проект, выполненный на низком идейном и художественном уровне. После

обращения в Москву было принято решение объявить республиканский конкурс на создание проекта памятника декабристам. Однако организаторы конкурса назначили минимальный срок для создания проекта – всего 6 месяцев. В мае 1987 г. 49 макетов будущего памятника были привезены в Иркутск. Краткость срока помешала авторам создать художественно завершенные композиции. Жюри конкурса, составленное из представителей Академии Художеств и министерств культуры, а также нескольких иркутян, справедливо приняло решение не присуждать первой премии, а присудить несколько поощрительных премий. Однако среди поощренных оказались творцы того же самого, лишь чуть подновленного проекта, который иркутяне критиковали и в 1986, и в 1987 г. Теперь возникло опасение, что памятник закажут все тем же авторам...

В том же Иркутске в 1986 г. был построен претенциозный парадный въездной знак в Кировский район города. Это дорогостоящее сооружение обошлось в 300 тыс. руб. и вызвало единодушное осуждение горожан. Осуждение было настолько сильным, что городское руководство вынуждено было признать свою ошибку. В 1987 г. въездной знак «подредактировали», убрав наиболее нелепые его детали. Однако шедевром от этого он не стал. О том, что люди, виновные в растрате сотен тысяч рублей, понесут какое-либо наказание, никто даже не мечтает.

Противостоять «административному монументализму» не престо даже сейчас, когда социальная обстановка в стране меняется. Выступая на V съезде ВООПИК, генерал-лейтенант в отставке Г.Ф. Самойлович заявил: «У нас общество охраны, но это охрана безоружная... Непонятно также, почему нам приходится воевать зачастую именно с органами, которые должны направлять нашу работу. Перестройка еще не затронула сознание многих и многих людей, занимающих руководящие посты» [11].

Исключения из этого печального правила довольно редки. По словам академика Д.С. Лихачева, «об опыте противоположного, позитивного характера могут немало интересного рассказать товарищи из При-

балтики. Там во многих местах все партийные, советские, хозяйственные руководители в обязательном порядке проходят курсы изучения истории родной республики, ее культуры, основ музейного дела. И результаты исключительно плодотворны» [23, с. 97].

Крупным препятствием в деле охраны памятников является отсутствие практики судебного преследования виновных в разрушении памятников. Еще в 1979 г. в статье «Экология культуры» Д.С. Лихачев предлагал, чтобы «факты хулиганского или безответственного отношения к культурному наследию неукоснительно разбирались в судах и виновные строго наказывались» [23, с. 61]. Однако положение не изменилось. Об этом не раз упоминалось и в 1986 г. [6; 29]. Совершенно прав доктор исторических наук А.Н. Кирпичников, который пишет: «Принятые в СССР и РСФСР Законы «Об охране и использовании памятников истории и культуры», пожалуй, чересчур гуманны. Они не содержат в своем составе конкретных статей, карающих за порчу, разрушение, плохое содержание тех или иных исторически ценных памятников. Не определены меры наказания в случае, если архитектурные творения пустуют, некачественно реставрируются, обреченные пользователем на износ и медленную гибель. Статья, наказывающая за уничтожение или умышленную порчу памятников истории и культуры, практически не используется...» [18].

Есть и еще один момент, который, вероятно, также затрудняет судебное преследование. Ближе всего к делу охраны памятников стоят в республиках и более мелких территориальных единицах министерства, управления, отделы культуры, а также общества охраны памятников или их отделения на местах. Однако рискнет ли, скажем, заведующий отделом культуры горисполкома выступить против председателя горисполкома, если по распоряжению последнего будет разрушен какой-либо памятник? Общества же охраны памятников и их отделения очень часто возглавляются заместителями председателей соответствующих республик или территорий, что также создает ситуацию, при которой отделение об-

щества охраны, будучи организацией, не подчиненной прямо председателю соответствующего исполнительного комитета, тем не менее от него фактически зависит.

Несомненно, мешает оптимальному использованию памятников культуры также недостаток гласности и информации о многих важных событиях в этой сфере. Нередко серьезные шаги, значительно изменяющие судьбу памятников, готовятся втайне, чтобы избежать протестов специалистов. Информации явно недостаточно и потому, что фактически отсутствуют какие-либо обобщающие работы о развитии деятельности, связанной с памятниками, по всей стране в целом. О том, что людям дается «слишком мало информации о работе ВООПИК», говорили многие делегаты V съезда этого общества, состоявшегося в 1987 г. [12].

Много трудностей объективного и субъективного характера существует в реставрационной деятельности. Не случайно этой проблеме была посвящена значительная часть отчетного доклада центрального совета ВООПИК, с которым выступил на V съезде ВООПИК Е.М. Чехарин [12]. Действительно, трудностей здесь много. Объективные трудности связаны, прежде всего, с самим характером этой деятельности, требующей в ряде случаев точного учета многих разноплановых факторов. Не случайно, имея крупнейшие достижения в области реставрации многочисленных памятников страны, мы имеем также немало случаев серьезных неудач, существенно вредящих памятникам, а еще чаще – некачественную работу реставраторов. Насколько сложные и разноплановые проблемы приходится решать при некоторых реставрационных работах, свидетельствуют многочисленные споры, развернувшиеся в период закончившейся в 1987 г. реставрации крейсера «Аврора».

Почти четыре десятка лет занимаются различные научно-реставрационные организации спасением фресок подземного склепа Деметры, с большим мастерством выполненных в I веке нашей эры. С 1950-х годов этот склеп в г. Керчь заливают вода, росписи портятся, но реставраторы до сих пор не смогли сделать ничего существенно-

го для сохранения замечательных фресок [19]. Спустя всего два года после реставрации пришел в аварийное состояние музей-усадьба Кусково [17]. Откровенными рвачами и пьяницами оказались строители, реставрировавшие музей-квартиру А.С. Пушкина на Мойке. Поэтому вскоре после завершения реставрации музей снова пришлось закрывать на ремонт [27].

В организации реставрационных работ тоже немало существенных неувязок. Так, работа реставрационных организаций оценивается не по итоговому результату, а по количеству затраченных средств [18]. Поэтому реставраторы склонны производить крупные, но не всегда оправданные затраты. Планирование, финансирование, снабжение этих организаций также нередко производится таким же образом, как обычных строительных организаций [10].

Очень много нерешенных проблем в организации туристического использования памятников истории культуры в нашей стране. Туризм у нас развит слабо, обслуживание туристов оставляет желать лучшего, материальное и организационное обеспечение этого дела стоит на низком уровне. Из-за этого туристы могут увидеть далеко не все интересные памятники. Между тем, более полное использование туризма, особенно иностранного, дало бы возможность получить дополнительные средства, которые частично можно было бы использовать и для охраны памятников. Вполне справедливо ставит вопрос О. Латифи: «...Во имя чего существуют и действуют туристические организации, бюро путешествий, музеи, архитектурные заповедники? Принимать и показывать соотечественникам и зарубежным гостям достопримечательности страны. Но сложилась странная ситуация. Эти организации в разных ведомствах – одни купаются в деньгах, а другие выпрашивают рубли и собирают у населения копейки. А между тем памятники и музеи, будучи вместе с организациями, обслуживающими гостей, могли бы финансировать себя и более того, давать немалый доход!» [22].

Справедливо ставится вопрос и о предоставлении большей самостоятельности местным организациям обществ охраны

памятников. Так, делегат V съезда ВООПИК Е.А. Чемякин считает, что отделения общества должны иметь право издавать печатную продукцию для пропаганды памятников истории культуры, выручка от продажи которой должна поступать в фонд местного отделения. Пока же самостоятельность отделений общества минимальная [12].

Назревшими проблемами улучшения дела охраны и использования памятников в стране является резкое улучшение краеведческой работы, создания музеев истории техники. Об этом также говорили делегаты V съезда. Недостаток историко-технических музеев особенно ощущаем.

Статья поступила 15.06.2015 г.

Библиографический список

1. Андерсон И.Ф. Вопросы охраны и использования военно-исторических памятников в свете Постановления ЦК КПСС «О 40-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» // Памятники Великой Отечественной войны в патриотическом воспитании трудящихся : сб. науч. тр. М., 1985.
2. Арбузова Р.И. Повышение роли памятников истории и культуры в воспитании советского патриотизма в период развернутого строительства коммунизма (на примере Киргизии) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Фрунзе, 1970.
3. Бадяк В.П. Деятельность партийных организаций Украины по использованию памятников истории культуры в патриотическом воспитании трудящихся в период развитого социализма : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Львов, 1979. С. 41.
4. Белый А. Есть ли страж у Вечного огня? // Советская Россия. 1986. 14 дек.
5. Бонч-Бруевич В.Д. Воспоминания о Ленине. М., 1969.
6. Ваганов И. Бульдозер против святыни: Письмо в редакцию // Литературная газета. 1986. 29 окт.
7. Важные вехи // Памятники Отечества. 1984. № 1.
8. Глямжа И.И. Охрана памятников культуры в Литовской ССР // Симпозиум «Памятники культуры и общество». Л., 1969.
9. Горбунцов Д. Гордость ... по коломенски // Правда. 1987. 14 сент.
10. Горчакова Э. После возрождения: Слово архитектору А. Кедринскому // Советская Россия. 1986. 19 авг.
11. Горьковская правда. 1987. 10 июля.
12. Гундарин Г., Заботин А. Говорят делегаты съезда // Горьковская правда. 1987. 9 июля.
13. Дашкевич Н. Посылка из 1919-го... // Советская культура. 1986. 8 апр.
14. Жигайлов Ю., Иванов В. Забвению не подвластно // Правда. 1987. 28 авг.
15. Иванов В.Н. Очередные задачи Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры // Вопросы охраны реставрации, пропаганды памятников истории и культуры : сб. статей. М. 1970. Вып. 2.
16. Иванов В.Н. Следуя заветам Ленина // Памятники отечества. М. 1972. Кн. 1.
17. Иванова И., Иванов Д. Лихолетье усадьбы «Кусково» // Советская культура. 1986. 14 июня.
18. Кирпичников А. Как защитить наследие? // Советская культура. 1986. 30 нояб.
19. Кончин Е. Слезы Деметры // Советская культура. 1986. 18 дек.
20. Кочемасов В.И. Памятники культуры – важное средство воспитания // Коммунист. 1966. № 14.
21. Кривонос А.А. Учет, охрана и пропаганда памятников и памятных мест революции 1905–1907 гг. в РСФСР // Методические рекомендации по подготовке свода памятников истории и культуры СССР. М. 1977. С. 61. Вып. 8.
22. Латифи О. После раскопа // Правда. 1986. 2 окт.
23. Лихачев Д.С. Прошлое – будущему: статьи и очерки. Л., 1985.
24. Маковецкий И.В. Ленинские принципы охраны и реставрации памятников культуры // Из истории реставрации памятников культуры. М. 1974.
25. Материалы второго съезда Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. М., 1973.
26. Материалы третьего съезда Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. М., 1979.

27. Меньшикова Т., Михайлов Ю. Понять – значит, помочь... // Советская культура. 1987. 10 сент.
28. Равикович Д.А. Охрана памятников истории и культуры в РСФСР (1917–1967 гг.) // История СССР. 1967. № 2.
29. Рылкова Л.А. Ведь есть закон: Мнение читателя // Советская культура. 1986. 23 янв.
30. Рябинин Б. Память сносу не подлежит // Советская Россия. 1986. 5 окт.
31. Симонян К. Не обкрадывать историю // Советская культура. 1986. 30 окт.
32. Справочный материал о работе Центрального Совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (1982–1987 гг.). М., 1987.
33. Тихонов Ю.А. Съезды Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры // Вопросы истории. 1984. № 10.
34. Щеголев А. Забвению не подлежит // Советская Россия. 1986. 5 дек.

Сведения об авторе

Дулов Александр Всеволодович, доктор исторических наук, профессор, пенсионер, 664025, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, 7, кв. 11, тел. 8(3952)34-32-17.

Dulov Alexander Vsevolodovich, doctor of historical sciences, professor, pensioner, 664025, Russia, Irkutsk, ul. Lenina, 7, flat 11, tel. 8(3952)34-32-17.